

Джульет Греймс

СЕМЬ
ИЛИ
ВОСЕМЬ
СМЕРТЕЙ
СТЕЛЛЫ
ФОРТУНЫ

Москва
2020

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Г79

Juliet Grames
THE SEVEN OR EIGHT DEATHS OF STELLA FORTUNA

Copyright © 2019 by Juliet Grames
Карта Иеволы © Mike Hall

Школа перевода
В. Баканова

Перевод с английского *Юлии Фокиной*

Художественное оформление
и иллюстрация на переплете *Анастасии Ивановой*

Греймс, Джульет.

Г79 Семь или восемь смертей Стеллы Фортуны / Джульет Греймс ; перевод с английского Ю. Фокиной. — Москва : Эксмо, 2020. — 640 с. — (Global Books. Книги без границ).

ISBN 978-5-04-112055-9

Для Стеллы Фортуны смерть всегда была частью жизни. Ее детство полно странных и опасных инцидентов — такие банальные вещи, как приготовление ужина или кормление свиней неизбежно приводят к фатальной развязке. Даже ее мать считает, что на Стелле лежит какое-то проклятие. Испытания делают девушку крепкой и уверенной, и свой волевой характер Стелла использует, чтобы защититься от мира и жестокого отца младшую, более чувствительную сестренку Тину.

На пороге Второй мировой войны семейство Фортуна уезжает в Америку искать лучшей жизни. Там двум сестрам приходится взрослеть бок о бок, и в этом новом мире от них многого ожидают. Скоро Стелла понимает, что ее жизнь после всех испытаний не будет ничего стоить, если она не добьется свободы. Но это именно то, чего семья не может ей позволить ни при каких обстоятельствах...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Фокина Ю., перевод на русский язык,
2020

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-112055-9

*Посвящается Антонетте Ротундо
и Серафино Паскуале Кузано,
моим итальянским дедушке и бабушке;
и в особенности двоюродной бабушке,
Кончетте Ротундо Санелли*

Содержание

Предисловие.....	9
------------------	---

ЧАСТЬ I. ДЕТСТВО

Смерть № 1. Ожоги (Когнитивное развитие)	18
---	----

Смерть № 2. Экзентерация (Боль нарастает)	85
--	----

Смерть № 3. Столкновение с дверью (Школьные годы)	103
--	-----

ЧАСТЬ II. ЮНОСТЬ

Смерть № 4. Утопление (Эмиграция)	136
--	-----

Смерть № 5. Поругание (Законный брак)	253
--	-----

ЧАСТЬ III. ЗРЕЛОСТЬ

Смерть № 6. Обескровливание (Материнство)	459
--	-----

Смерть № 7. Удушье (Климакс)	539
---------------------------------------	-----

ЧАСТЬ IV. СТАРОСТЬ

Смерть № 8. Кровоизлияние в мозг (Деменция)	594
--	-----

Эпилог	625
--------------	-----

Авторское примечание	632
----------------------------	-----

Предисловие

Я поведаю вам о Маристелле Фортуне Второй, больше известной как Стелла. Ее история началась в калабрийской горной деревушке Иеволи, а продолжилась в США, штат Коннектикут. Стелле сейчас больше ста лет, и горя за эти годы она нахлебалась, можете мне поверить. Судьба ее не баловала, что есть, то есть. Моя история — о том, как выживала Стелла Фортуна.

За свой век Стелла Фортуна Вторая (о Стелле Первой я расскажу чуть ниже) избежала смерти восемь раз. Или только семь — смотря как считать. Стелла была жестоко избита; получила сотрясение мозга; едва не задохнулась. Стелла истекала кровью; Стеллу подвергли лоботомии. Стелла облилась кипящим маслом. Дважды, в разное время, при разных обстоятельствах, Стеллин живот был вскрыт. Один раз от неминуемой гибели ее спасла опечатка. И один раз Стелла едва не совершила непреднамеренное самоубийство.

Назвать ли все эти события фантастическим невезением — не каждому ведь столько выпадает? Или назвать их фантастическим везением — не каждый столь живуч? Не знаю. В любом случае для одной женщины мно-

говато; впрочем, мы, калабрийцы, вообще народ крепкий. Нас отличает ничем не оправданное упрямство, часто идущее вразрез с нашими же интересами, а порой и угрожающее самой нашей жизни. Веками мы не имели возможности защитить то, что нам дорого; этим и объясняется неукротимый наш нрав. Если уж калабриец что решил, от задуманного его не отвратит ни угроза краха, ни перспектива потерять честь, ни страх смерти. Стелла Фортуна семь (или восемь) раз боролась за собственную жизнь. Надеюсь, никто ее не упрекнет.

Почти все, что мне известно о Стелле, поведала ее младшая сестра Кончеттина — она, кстати, тоже еще жива. Ей далеко за девяносто; здесь, в Штатах, она зовется Тиной Караманико. До Тины имя сократили, потому что Кончеттина для Америки слишком старообразно звучит. Караманико — фамилия ее мужа, а Тине было сказано, что в Америке женщина берет мужнину фамилию, вместо того чтобы носить отцовскую.

Тетя Тина живет в болотистом графстве Дорчестер штата Коннектикут, в доме, который муж построил в 1954 году. Муж, разумеется, давно умер, так что тете Тине не для кого стряпать; зато она отрывается, если ждет меня в гости. Я приезжаю не так часто, как должна бы; а когда все-таки появляюсь в тети-Тинином доме, ем прискорбно мало — позорю ее как хозяйку. Считайте трепетное отношение к еде анекдотом из жизни итальянских бабушек — только Тина Караманико страдает всерьез. Справиться с ситуацией можно двумя способами. Первый способ — кричать: «Куда вы мне столько накладываете?!» — и после испытывать муки совести, что нагрубила старушке. Второй

способ — молча поглощать все предложенное и после тоже испытывать муки, но лишь физические. Помню, когда я привезла мужа, чтобы представить его тете Тине, она мне шепнула с восторгом: «Как хорошо он у тебя кушает!» Так итальянские бабушки говорят о мужчинах, которые не орут: «Куда вы столько накладываете?!» — и не прикрывают тарелку ладонью.

Невозможно поверить, что тете Тине скоро стукнет сто лет, — она румяна и подвижна, как в шестьдесят пять. Ее карие глаза хоть и мутные, зато блестят; костяшки пальцев, толстые, как каштаны, напряжены, и жилы на запястьях тоже: сейчас так и ухватит что-нибудь — деревянную ли ложку, молоток ли для отбивания мяса, а может, щеку внучатой племянницы. Лицо блестит от пота, над губой вечные «усы» из прозрачных бисеринки испарины. С годами тетя Тина усохла, сейчас в ней всего пять футов два дюйма, а в дни молодости было пять футов семь дюймов — немало для женщины по тогдашним меркам. Но даже уменьшившись ростом, тетя Тина сохранила крепость и мускулистость рук и предплечий. Приведу пример. Когда моя кузина Линдси была беременна, тетя Тина пришла к ней «помочь прибраться» и взялась выколачивать плетеный кухонный коврик, причем действовала столь энергично, что коврик прямо на заднем крыльце распался на составляющие. Зато в кои-то веки он был чист.

Семейные воспоминания — вещь коварная. Отдельные истории повторяются, пока буквально в зубах не навязнут; другие вроде бы беспричинно забываются. Или, может, причина как раз есть — и она в неудоб-

стве этих самых историй. Первое поколение их замалчивает, второе — не знает, и вот, глядишь, они стерты, а на чистом месте написано что-нибудь более лестное для семейства.

Наверно, поэтому я успела вырасти, прежде чем услышала о семи (или восьми) недо-смертях Стеллы Фортуны. Однажды, ближе к вечеру, я сидела у тети Тины в кухне и смаковала запеканку из цукини. Тогда-то тетя Тина и взялась перечислять мне эти смерти.

— Ну, о Происшествии-то каждому известно, — начала она. — А о баклажанах ты слышать?

— О каких еще баклажанах?

— Которые Стеллу чуть только вот не убить!

Я покосилась за окно, на шпалеру, с которой свисали три сицилийских цукини¹. Прежде мне не приходило в голову, что овощ может угрожать жизни; теперь я подумала: с *ЭТИХ* станется.

— Откуда, по-твоему, у Стеллы шрамы на руках? — продолжала тетя Тина.

Далее выяснилось, что Стелла едва не умерла еще шесть (или пять) раз. Тетя Тина считала на своих коричневых от старости пальцах: свиньи; школа; пароход (этот случай под вопросом); насильник; криворукий врач; удушье.

Тетя Тина перечисляла привычно, словно четки тербила; а меня стало тошнить. Это сколько же раз

¹ Имеется в виду лагенария, растение из семейства тыквенных, плоды которого могут достигать 2 метров в длину. Еще его называют сицилийской змеей. (*Здесь и далее примечания переводчика.*)

Стелла была на волосок от смерти; это сколько же раз ее организм выдерживал чудовищную боль? Сам факт, что она выжила, тянул на статистическую погрешность. Во рту пересохло, я с трудом проглатывала кусочки нежнейшей запеканки. Возникло то же самое чувство, что возникает у всякого, кто в автобусе сидит рядом с человеком, который зашелся кашлем, — а именно уверенность, что подцепишь, непременно подцепишь неведомую заразу. Тетя Тина заразила меня историей жизни и смертей Стеллы Фортуны.

Когда ее рассказ завершился, я спросила:

— Тетя Тина, а по второму разу можешь все перечислить? Я бы записала.

(Руки мои уже шарили в ящике, где тетя Тина хранит магазинные купоны и огрызок карандаша; я нащупала старый конверт, годный для записок.)

Она явно колебалась, глядя, как я нацелила карандаш. Позднее, когда мне уже была известна вся история, я часто думала: какие мысли пронеслись в то затянувшееся мгновение в тетиной голове? Наконец тетя Тина что-то для себя решила и ответила твердо:

— Да, я рассказать снова, а ты, если хочешь, пиши.

— Хочу! — выпалила я. И поймала взгляд тетиных мутных, окаймленных покрасневшими веками глаз. Что было в ее глазах — волнение польщенной хранительницы семейных преданий — или скорбь? — Пожалуйста, тетя Тина, расскажи все, что знаешь.

— Там такое, про что слушать неприятно, — предупредила тетя Тина.

Она не лукавила; да только кто и когда внимает подобным предупреждениям?

Разумеется, у меня есть и другие источники, но именно сведения от тети Тины я считаю самыми важными. Наверняка после стольких лет она врать не станет, думала я. Ей все известно лучше всех — и тех, кто еще жив, и тех, кто уже умер, — потому что тетя Тина всегда была рядом со Стеллой. У тети Тины и на карту поставлено больше, чем у кого другого. У нее самые веские причины выдать всю правду — и самые веские причины ее скрыть.

Тетя Тина до сих пор рядом со Стеллой — даром что они, родные сестры, вот уже тридцать лет не разговаривают.

На той же улице, как раз напротив коттеджа тети Тины, Стелла сидит у стрельчатого окна. Дом у нее почти такой же — растянутый в пространстве, с плоской крышей. Расположение обоих домов идеально для взаимного шпионажа; в частности, каждой сестре видна подъездная дорожка другой сестры, и можно делать выводы, кто из родственников и на какое время приехал в гости. Стелла просиживает у окна целые дни — вяжет крючком покрывала. Ни одно из них она не доводит до ума — распускает работу, едва наскучит. Стелла загнана в ловушку своего разума, а заодно с ней — и вся ее семья; странно, что при этом никто, кроме самой Стеллы, не знает, какова эта тюрьма изнутри.

Часов в одиннадцать утра Стелла исчезнет — в это время она любит прилечь. Тут-то тетя Тина и понесет ей обед — овощной суп или свиные котлеты; крадучись понесет, шмыгнет в заднюю дверь. Блюдо она оставит

в кухне на плите, а сама исчезнет с максимальной быстротой, на какую способно ее старое тело. Стелла поест, только если никто из домашних не даст понять, что ему известно, что Стелле известно, что стряпала именно Тина. Позднее Томми, Стеллин старший сын, вернет тете Тине вымытую посуду.

Восьмая недо-смерть (которую все называют Происшествием) постигла Стеллу в декабре 1988 года. Следствием Происшествия было кровоизлияние в мозг и спасительная лоботомия — на тот момент процедура экспериментальная. Хирург предупредил: если Стелла не умрет — что навряд ли, — остаток дней она проведет в инвалидном кресле и с питательной трубкой. И оказался не прав: Стелла, видно по привычке, сдюжила и на этот раз. Только теперь, через тридцать лет, всем ясно — Происшествие таки разрушило энное количество жизней, да и продолжает разрушать. Что ж, все мы крепки задним умом.

Самая серьезная катастрофа случилась между сестрами, Стеллой и Тиной, которые в течение шестидесяти четырех лет были неразлейвода. И однако, очнувшись после комы, Стелла отказалась говорить с сестрой, а причин объяснить не сумела. Или, может, ее просто не слушали.

С детства Стелла и Тина были немислимы друг без друга, как ут́ок без основы или основа без ут́ка. В течение двадцати четырех лет, до замужества, они спали в одной постели. Затем, еще сорок лет, жили по соседству, глядели из окон на одну и ту же заболоченную пустошь, делили трапезу и бегали друг к дружке